

Глава 16. Храм Синчжи (16) Вера творит чудеса

—
Сяо Фу сам не любил читать, но он читал сочинения Линь Цзыкуя и знал, что у него был большой талант. Даже бывший император, ставший даосом, был готов указать ему путь.

Сдать экзамен цзиньши не будет проблемой, но сможет ли он стать чжуанюанем...

Сяо Фу считал, что, учитывая неординарный характер императора Вэньтая, прямолинейность и юношеская наивность Линь Цзыкуя сделают его уязвимым в глазах чиновников. Во время императорского экзамена он вполне мог сказать что-то не то и разгневать императора Вэньтая. В лучшем случае его лишили бы титула, в худшем — наказали бы сорока палками.

Кажется, нельзя допустить, чтобы император Вэньтай проводил императорский экзамен.

С этой мыслью Сяо Фу снова написал письмо:

«Третий брат, у младшего брата проблемы. Храм Синчжи в горах Шестнадцати Небесных Пещер. Приезжай быстрее».

Написав письмо, он свернул его, привязал к лапке голубя и отпустил.

Храм Синчжи был построен на склоне горы. Сзади была расположена река Линьци, которая почти полностью замёрзла. Холодный воздух скапливался на вершинах гор.

Линь Цзыкуй теперь не мог жить без этой «кроличьей накидки».

Сяо Фу видел, что он постоянно носил её и не менял, конечно же, потому что у него не было другой одежды. Он снова написал письмо и отправил его в дом герцога Чанго.

Голубь ещё не долетел до дома, когда его перехватили императорские гвардейцы. Они прочитали письмо, слегка озадачились, но, следуя приказу, записали его слово в слово. Отпустив голубя, гвардеец вернулся с письмом во дворец.

Он встал на колени в императорском кабинете и доложил: «Ваше Величество, это секретное письмо герцогу Чанго от маркиза Динбэя».

«Быстрее, неси!» Лицо императора Вэньтая было немного опухшим и красным, но он выглядел энергичным, не как в последние дни, когда его мучил яд. Каждый раз, когда он думал, что полностью выздоровел, яд действовал, мучая его до неузнаваемости.

Император Вэньтай развернул письмо и его лицо изменилось.

В письме было написано:

«Мама, мне нечего носить. Я похудел, мне нужно что-нибудь поменьше. И пришли ещё мяса, я голоден».

Император Вэньтай был озадачен: «И это всё? Больше ничего?»

Гвардеец склонил голову: «Ничего».

«Чушь!» Он бросил письмо и с силой ударил по столу: «Это дело с ядовитым гу точно как-то

связано с Сяо Фу. Не может быть такого совпадения! Это секретное письмо, чтобы запутать меня. Маркиз Динбэй и князь Юньнани родственники! Как семья правителя Юньнани может быть такой честной!»

В этот момент в комнату вошёл евнух и тихо подошёл к императору Вэньтаю: «Ваше Величество, у меня есть важные новости».

«Говори», — он сел, недовольный.

«Императрица-мать отправила человека в Южное Мяо, чтобы найти мастера гу. Говорят, что у этого мастера есть уникальный способ выследить материнское насекомое. А тот, у кого материнское насекомое, и есть тот, кто должен был создать гу, Ваше Величество!»

Услышав это, император Вэньтай сразу встал: «Быстрее, пригласите этого человека!»

Евнух привёл его.

«Этот простолудин кланяется Вашему Величеству. Да здравствует Ваше Величество».

Мастер гу был худым и смуглым стариком, глядя на которого, казалось, что всё его тело покрыто насекомыми. Император Вэньтай колебался, скрывая отвращение в глазах: «Мастер, я слышал, у вас есть способ выследить человека, создавшего гу».

«Есть, но...» Старик достал чёрный глиняный горшок: «Это король насекомых, которого я выращивал всю свою жизнь. Ни один червь-гу в мире не сможет ускользнуть от его обоняния».

Император Вэньтай был вне себя от радости: «Отлично! Отлично! Если вы сможете найти виновного, я щедро вас награжу!»

Старик усмехнулся: «Однако, для этого нужно три чашки крови того, кого прокляли, чтобы накормить моего короля насекомых. Не знаю... захочет ли Ваше Величество».

Кожа на лице императора Вэньтая задрожала: «Какая дерзость!»

Старик всё так же улыбался, как и прежде, и говорил: «Ваше Величество, это единственное решение, которое у меня есть. Другого нет».

Другими словами, либо пустить кровь, либо продолжать мучиться. Ему нужно было выбрать одно из двух.

Император Вэньтай стиснул зубы, пристально глядя на него: «Хорошо, в конце концов, это всего лишь три чашки крови!»

—

«Господин, мы приехали в храм Синчжи».

Тан Мэньян сидел в карете, только что проснувшись. Он откинул занавеску, вышел и приказал: «Выгружайте вещи».

Он привёз благовония для жертвоприношения и кое-что для Линь Цзыкуя.

Тан Мэньян не знал, где живёт Линь Цзыкуй, поэтому спросил у даоса в храме: «Господин Линь живёт в Зале Очищения Сердца на заднем дворе. Вы видите это дерево с молитвенными

табличками? Идите по этой дороге и поверните на запад».

Двое слуг несли тяжёлый ящик с его подарками.

Они дошли до Зала Очищения Сердца. Линь Цзыкуй сидел, читая, в очках. Мо Лю увидел их первым и закричал: «Господин, это господин Тан!»

«Брат Тан?» Линь Цзыкуй отложил книгу. Он не был так рад, как Мо Лю, и повернувшись, предупредил его: «Ни слова о второй госпоже».

Мо Лю кивнул, и Линь Цзыкуй встал: «Брат Тан, почему ты здесь?»

Он только что снял очки, когда Тан Мэнъян радостно вошёл: «Я приехал навестить тебя. Ну как тебе здесь, в храме Синчжи?»

Он сразу увидел очки в руке Линь Цзыкуя: «О? Младший брат Хуайфу, это, это не очки?»

Линь Цзыкуй не успел спрятать их, поэтому кивнул: «Да».

«Дай мне посмотреть, дай посмотреть. Откуда у тебя такая редкая вещь?»

«Подарок от одного знатного человека».

«Ух ты? Кто этот знатный человек, что подарил тебе такую ценную вещь?»

Линь Цзыкуй покачал головой: «Этот знатный человек не назвал своего имени».

Тан Мэнъян надел очки, говоря: «Я видел такие у премьер-министра Сюэ, они похожи, но твои меньше, и оправка серебряная, а у него деревянная. Мне всегда было интересно, каково это».

Когда Юаньцин попросил мастера сделать их, он специально велел: «Материал и размер должны быть другими».

Поэтому Тан Мэнъян вообще не рассматривал это в таком ключе. Ему было просто очень любопытно, кто этот знатный человек, о котором говорил Линь Цзыкуй.

Раз Линь Цзыкуй избегал этой темы, Тан Мэнъян не стал настаивать, но его взгляд задержался на дорогой накидке из соболя на Линь Цзыкуе. Он также обратил внимание на угольный таз в комнате.

Тан Мэнъян спросил его: «Когда ты их надеваешь, ты можешь ясно видеть буквы?»

Линь Цзыкуй кивнул: «Да».

«Вот как...» Тан Мэнъян опустил голову, думая о чём-то: «Очень хорошо, очень хорошо».

Поиграв с очками, Тан Мэнъян отдал ему деревянный ящик: «Это я специально привёз для тебя. Посмотри, тебе нравится?»

В ящике были чистые, тёплые одеяла, два новых плаща, кисти, тушь, бумага, немного закусок и даже лекарство: «Доктор Ван выписал его для тебя. Я подумал, что у тебя здесь нет лекарств, и принёс их».

Никто не заметил, что за дверью показались три головы.

Сверху вниз: Юань, некто Сяо, Цзинь Цзунь.

Юань сказал: «Похоже, этот Тан Мэнъян очень добр к господину Линю, так заботится о нём, даже приносит закуски».

Выражение лица Сяо Фу было очень уродливым.

Однако, к его удивлению, вежливый Линь Цзыкуй не отказался, а принял подарки, поблагодарив брата Тана.

Тан Мэнъян: «Между нами нет нужды в благодарностях. Какие у нас отношения?»

Лицо Сяо Фу ещё больше потемнело: «Разве этот чертов обрезанный рукав не отвратительный?»

Тан Мэнъян: «Мне стыдно. Я был так занят, что не смог присмотреть за тобой, и тебе пришлось приехать в храм Синчжи. Если бы ты пришёл ко мне, тебе не пришлось бы приезжать сюда. Если тебе нужны были деньги, ты должен был обратиться ко мне!»

Линь Цзыкуй мягко покачал головой: «У меня всё есть. Я сам решил приехать в храм Синчжи, здесь тихо и спокойно. Спасибо, брат Тан, за твою заботу».

Тан Мэнъян не поверил, но, увидев, что на Линь Цзыкуе блестящая соболиная шуба, а в комнате стоит угольный таз, он подумал, что Линь Цзыкуй действительно встретил какого-то знатного человека. Он почувствовал лёгкое беспокойство: «Через несколько дней будет праздник Лаба*. В столице будет очень оживлённо, студенты этого года проведут поэтический турнир, но... я думаю, ты не захочешь участвовать, верно?»

[*Праздник Лábа (腊八, Làbā) — традиционный китайский праздник, отмечается 8-го числа 12-го месяца по лунному календарю и знаменует начало периода приготовления к китайскому Новому году. «Ба» — по-китайски означает «восемь», «Ла» — название двенадцатого месяца.]

«Верно», — Линь Цзыкуй сидел спокойно и кивнул. «Ты знаешь, брат Тан, мне не следует привлекать к себе внимание. Урок, который я получил в прошлый раз, я запомнил на всю жизнь».

«Да... да, я так и думал. Но не бойся, мой дорогой брат. На этом экзамене я буду твоим защитником. Если ты будешь скрывать свой талант до экзаменов, никто не сможет ничего с тобой сделать».

Когда Линь Цзыкуй было всего четырнадцать, он не знал, что экзамен — это поле битвы. Он затмил всех на поэтическом турнире и опозорил знатных людей из аристократических семей.

И тогда начались его несчастья.

Была причина, по которой он так спокойно воспринял доброту Тан Мэнъяна.

Услышав это, выражение лица Сяо Фу изменилось с мрачного на неуверенное: «Что он имеет в виду? Что за 'урок, который он получил в прошлый раз'?»

Юань предположил: «Три года назад господин Линь приезжал в Цзиньлин на экзамены, наверное, тогда что-то случилось? Господин, посмотрите, господин Линь ещё так молод, но его характер уже очень зрелый и сдержанный. Я думал, все учёные такие, но потом подумал, если

бы кто-то другой в четырнадцать стал цзеюанем. Гений, обладающий таким талантом в 17 или 18 лет, разве он не был бы невероятно гордым?»

Сяо Фу ничего не ответил, просто посмотрел на Линь Цзыкуя. Тот был без очков, но, казалось, почувствовал что-то и посмотрел в их сторону.

Две головы быстро спрятались. Сяо Фу схватил Цзинь Цзуня за волосы и оттащил назад.

Тан Мэнъян тоже оглянулся: «Мой дорогой брат, что там? Почему ты всё время смотришь туда?»

«Ничего», — он отвёл взгляд. «Брат Тан, хочешь осмотреть храм Синчжи? Я проведу тебя».

«С удовольствием».

Они ушли, а Сяо Фу, недалеко от них, сидел на дереве и подслушивал. Он услышал сладкие речи Тан Мэнъяна, который неустанно расхваливал талант Линь Цзыкуя, но при этом отмечал, что его характер не подходит для чиновника: «Официальные круги грязные, и ты не сможешь быть честным чиновником. Если вода слишком чистая, в ней нет рыбы. Если человек слишком чист, он будет выглядеть не на своём месте. Ты такой заметный, кто захочет с тобой общаться? Может, не становись чиновником? Приходи ко мне в дом, будь моим советником. Мой приемный отец очень доверяет мне. После его смерти я, скорее всего, займу пост главы кабинета министров».

Но Линь Цзыкуй не поддался. Он нежно отклонил предложение: «У меня есть помолвка с семьёй Сяо. Если у меня не будет титула, как господин Сяо отдаст мне свою дочь? Брат Тан, я знаю, что ты хочешь как лучше. Ты прав, если вода слишком чистая, в ней нет рыбы, но сердце человека не должно быть грязным».

«Ладно, я ничего не могу с тобой поделать». Тан Мэнъян поднял руку и нежно погладил его по плечу, чтобы стряхнуть снег. Линь Цзыкуй немного уклонился, но в конце концов не смог отстраниться.

«Что он делает?» Сяо Фу был крайне зол: «Чёрт, Юань, иди и избежь его!»

Юань крепко сжал кулаки: «Хорошо. Я тоже не могу на это смотреть».

У Тан Мэнъяна был всего один выходной. Он приехал и уехал в тот же день. Юань последовал за ним. На полпути обратно в столицу Тан Мэнъяна ограбили, он был избит, его лицо распухло, и он остался в одних трусах.

После того как он ушёл, Линь Цзыкуй пошёл в храм Вэньчана, чтобы возжечь благовония. Он купил молитвенную табличку за двадцать монет, написал на ней несколько строк и подошёл к восьмисотлетнему османтусу. Он слышал от даосов, что у этого дерева есть близнец, местонахождение которого неизвестно.

Османтус был высоким, его ветви и листья пышно разрослись, отбрасывая тень на солнце. На нём висели молитвенные таблички, оставленные паломниками, их красные шёлковые ленты колыхались, похожие на пламя. Поскольку дерево было высоким, Линь Цзыкую нужно было забраться на каменный забор, чтобы дотянуться до него. Обычно так и делали все прихожане.

Но если он заберётся, он испачкает накидку, которую ему подарила вторая госпожа.

Линь Цзыкуй не хотел этого. Он вытянул руку, поднявшись на цыпочки. Он мог дотянуться, но было неудобно завязывать узел на красной ленте.

Пока Линь Цзыкуй пытался дотянуться, сзади появилась рука.

Рука была очень длинной и вытянутой вверх. Рука естественно взяла молитвенную табличку из его руки, повесила её на ветку и завязала не очень красивый, но крепкий узел.

Линь Цзыкуй опустил на пятки и поднял голову. Сяо Фу прижался подбородком к его голове. Голос его был тихим: «Молитва, Линь-лан, что ты написал?»

От этого ракурса у Линь Цзыкуя на мгновение закружилась голова, и он подсознательно сказал: «Жениться на вас».

Подбородок Сяо Фу потёрся о его мягкую макушку, а его голос смеялся: «Я так и думал».

«Разве если сказать вслух, это не перестанет работать?» Линь Цзыкуй выглядел раздраженным: «Я не должен был этого говорить».

Сяо Фу задумался и сказал: «Ты написал, что хочешь жениться на второй госпоже Сяо, верно?»

Линь Цзыкуй кивнул: «Я написал: госпожа Чжаолин. Сяо Чжаолин».

Сяо Фу кивнул: «Тогда это сбудется. Всё зависит от человека. Если сердце искренне, это сбудется».

Посреди ночи в храме Синчжи было очень тихо, все спали.

Сяо Фу вышел с фонарём. Он поставил фонарь в сторону и долго искал табличку, которую Линь Цзыкуй повесил в час юй (17:00-19:00).

Поскольку он завязал крепкий узел, было трудно её снять. Потребовалось много времени, но он был терпелив и не порвал её. Наконец, он снял её.

Сяо Фу увидел, что он написал.

«Сегодня я желаю, чтобы госпожа Сяо Чжаолин и я любили друг друга, чтобы между нами было взаимопонимание, чтобы мы были счастливы в браке и жили в гармонии».

Эта строка слов поистине подобна яркой луне, сияющей прямо, не оставляя места для догадок! И лотос, вырезанный на скрижали богов, под ярким светом ночи покрыт струящимся светом яркой луны, как звезда, как луна, как сон, как тень.

Сяо Фу держал табличку, но ему казалось, что он никогда прежде не прикасался к такому тяжёлому предмету. Тяжесть давила на сердце, не отпуская: «Эти чувства так глубоки, но одно слово может всё изменить, Линь Цзыкуй, ты, ты...»

Через некоторое время он достал кисть, которую принёс с собой, стёр слова «госпожа» и «Сяо» (□). После долгих раздумий он добавил маленький иероглиф «Сяо» (□) в свободное место.

Теперь надпись гласила:

Боги наверху, а солнце и луна — наши свидетели.

Сегодня я желаю, чтобы Сяо Чжаолин и я любили друг друга, чтобы между нами было взаимопонимание, чтобы мы были счастливы в браке и жили в гармонии

Линь Цзыкуй

Зимнее солнцестояние, год И Хай.

Сяо Фу ловко забрался на дерево и повесил табличку высоко на ветке. Так Линь Цзыкуй не сможет её найти, а тем более снять.

—

Примечание автора:

Много лет спустя Сяо Фу говорил Линь Цзыкую: «Это ты сам написал моё имя, Сяо Чжаолин, на табличке в храме своими руками, желая жениться на мне».

—

<http://bllate.org/book/14420/1274661>